

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
(ПУШКИНСКИЙ ДОМ)

АЛЕКСЕЙ РЕМИЗОВ

ИССЛЕДОВАНИЯ И МАТЕРИАЛЫ

Ответственный редактор
А. М. ГРАЧЁВА

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ
1994

Рецензенты Л. Н. КЕН, С. Ю. ЯСЕНСКИЙ

ISBN 5-86007-024-1

© Институт русской литературы (Пушкинский
Дом) Российской Академии наук, 1994
© Издательство «Дмитрий Буланин», 1994

«ОГОНЬ ВЕЩЕЙ» А. РЕМИЗОВА И МИФ О ГОГОЛЕ НАЧАЛА XX ВЕКА

Необычная судьба постигла Н. В. Гоголя, творчество и духовный мир которого стали волновать и притягивать умы соотечественников спустя полвека после его смерти ничуть не меньше, чем при жизни, а сам магнетизм личности писателя обрел значение историко-культурного явления начала XX века.

Целое поколение литераторов, начиная с 90-х годов прошлого столетия, стало воспринимать Гоголя своим предтечей, обращаясь к пережитому им опыту как к средоточию духовно-нравственных исканий, свойственных новому времени. Поэтому не успело художественное наследие Гоголя утвердиться в почетном статусе «классики», а уже начинается активный пересмотр творчества писателя как реалистического — и Гоголь провозглашается родоначальником символизма.¹ Гармония, веселье, мистериальность ранних произведений; мистицизм и как будто нравственная червоточина петербургских повестей и первого тома «Мертвых душ»; религиозный и гражданский пафос «Выбранных мест из переписки с друзьями» — все это не только подтверждение исключительности таланта художника, открывающего простор для всевозможных интерпретаций, но и творческое воплощение символистской «идеи пути». Более того, этапы творчества Гоголя, перенесенные на почву символизма, приобретают значение идеального материала для создания «мифа о пути». В связи с этим к началу века центр исследовательского внимания в изучении Гоголя в значительной степени сместился от темы художественного мастерства непосредственно к вопросам личности и жизни писателя. Появляется устойчивое мнение, что за образами и стилистикой гоголевских книг скрывается едва ли не самая загадочная и утонченная душа. Как подметил В. В. Розанов, история русской литературы хранит в себе некие центры вечного притяжения, «где всеобщий голос и всеобщий инстинкт указывает присутствие необыкновенного. Такими необыкновенными в истории русского духовного развития явились Лермонтов и Гоголь — великие, величием не только своего обаятельного творчества, но и лично, биографически, сами».²

Постижение глубин натуры Гоголя завершалось порой кардинально противоположными выводами. Так, в начале 900-х годов преобладало настороженное отношение к нравственному содер-

жанию его творчества.³ И все же наряду с этим, хотя и фрагментарно, художественный опыт Гоголя трактовался как история преобразования его души, документ глубоко личного порядка, но тем не менее имеющий абсолютное значение для потомков.⁴ Одним из поздних утвердителей этой точки зрения был Б. Зайцев, писавший в 1935 году: «Павел Иванович Чичиков и Иван Александрович Хлестаков слишком прилипли, во мнении общества, к Николаю Васильевичу Гоголю. А в действительности, написав их и пустив гулять по свету, он как раз от них и освободился. Он изжил их и шел уже иным путем, но никто или почти никто этого не понимал».⁵ Эта мысль очень близка по тону и содержанию предмету настоящей статьи — эссе А. М. Ремизова о Гоголе, в котором нам видится самое сильное выражение идеи, представляющей Гоголя человеком высокого нравственного потенциала. Эссе, которое своим появлением в 1954 году⁶ в книге «Огонь вещей»* продило во времени (до середины века), синтезировало и углубило все, что было вызвано творчеством и судьбой великого художника в первые годы нашего столетия.

Феномен Гоголя явился для Ремизова той благодатной почвой, которая питала творческий потенциал писателя, дала свободу для проявления его оригинального исследовательского метода и стиля. Сложная модель ремизовского восприятия, заключенная в книге «Огонь вещей», организует ее жанровое своеобразие. А необычный тип изложения, при котором субъективная оценка писателем судьбы, личности и творчества Гоголя превалирует над фактами его жизни, порою даже пренебрегает их достоверностью или вообще их существованием, — дает возможность ощутить тему Гоголя как внутреннюю необходимость художника, установившего между собой и, казалось бы, уже окаменелым историческим реликтом, духовный контакт, преодолевающий время. Вот когда возгорается ремизовский «огонь вещей», природу которого он объяснял так: «В мистических школах учили „рассмотрению“ вещей, это значит поставить или расположить факты в порядке, а затем высшая ступень — „рассуждение“ вещей, тут начинается проникновение в самое сердце живого существа событий».⁷ Ремизов признавался: «Веду свое общее от Гоголя...». За этим стоит большее, чем преемственность поколений литераторов, так как ремизовская интерпретация жизни и творчества Гоголя обнаруживает духовную общность писателей, родственность их творческих дарований. Все это, по словам Ремизова, «непрямая форма исповеди» (с. 26), раскрывающая нам и сложный портрет судьбы Гоголя, и оттиск его творчества в сознании человека нового времени — самого А. М. Ремизова, художника и исследователя.

---

* Все ссылки на «Огонь вещей» даются по изданию: *Ремизов Алексей. Огонь вещей.* Париж: Оплешник, 1954. Страницы указываются прямо в тексте.

Обращение А. Ремизова к теме Гоголя не ограничивается только эссе из «Огня вещей», книги, вышедшей в конце жизни писателя. Любопытно, что Гоголь становится одним из постоянных героев новелл Ремизова, написанных в разные годы, в которых независимо от их ведущих тем или сюжетных линий проявляется своего рода «эффект присутствия» Гоголя, что ничего не имело общего с подражанием стилистической манере либо поэтике. «Присутствие» Гоголя выражалось непосредственно через упоминание как имени писателя, так и через цитирование из его произведений. При этом повествование могло неожиданно прерваться непринужденным обращением к незримому «Николаю Васильевичу», который в этих произведениях всегда выступает в роли неизменного духовно-нравственного ориентира.⁸

Этот многолетний «контакт» достиг апогея на страницах «Огня вещей», где Ремизов позволяет себе не только риторически вопрошать своего великого «собеседника», но и оспаривать и даже подвергать сомнению его художественный замысел. Так, к примеру, бесцельный мечтатель Манилов преобразен автором эссе в «скромного, образованного офицера», причастного к Союзу Благоденствия, вынужденного после декабрьских событий подать в отставку и отбывать ссылку в деревне Маниловке. Взяв под защиту этого героя, презираемого не одним поколением читателей, да и самим его творцом, Ремизов не только одним уже этим фактом вступает в противоречие с Гоголем, но и реально затевает с ним спор, который строится на основе текста «Мертвых душ»: «Гоголь: «у каждого есть задор: собашники, лошадики, знакомство с высокопоставленными лицами, «работство», наконец, свистнуть кого-нибудь в морду, а Манилова характер — без задора».

— Николай Васильевич! а маниловское «парение», то, что зовется «маниловщиной», а по Герцену и Бакунину «прекраснодушие». И «доверчивость», за что он прослыл «дурачком»: все, кого она ни встречает, «прекрасные люди», в каждом человеке он чувствует человека, без рассуждения, сердцем. И эта его человечность, это ль не задор?» (С. 70).

Творческой переработке в «Огне вещей» подвергается не только художественный вымысел, но и реальная жизнь Н. В. Гоголя. В этом смысле концептуальное значение для эссе о Гоголе имеет глава «Миф», проливающая свет на метод, с помощью которого Ремизов дает свое видение судьбы и творческого пути писателя. Поставив друг против друга зеркала вымысла и реальности, Ремизов разворачивает перед нами область пересечения их отражений, являющую собой миф о Гоголе.

Жизнь Н. В. Гоголя не только для Ремизова, но и для многих писателей XX века настолько символична и преисполнена поучительного смысла, что не может быть заключена лишь в рамки хронологического рассказа с документальным подтверждением. Ремизов пишет: «Знание, как итог только фактов, не

может дать исчерпывающего представления о человеке, в протокольном знании нет живой жизни. Только бездоказательное, как вера, источник легенд, оживит исторический документ, перенося его в реальность неосязаемого мира». (С. 22).

В таком подходе нельзя не узнать принцип взаимоотношений искусства и реальности, сложившийся среди символистов 900-х годов, который лаконично выражен в одном из послустатов Вяч. Иванова: «Миф — объективная правда о сущем».⁹

По наблюдениям исследователей, творчество Алексея Ремизова невозможно оценить однозначно, вместили его в рамки одного литературного направления. За «двойственной эстетической природой»¹⁰ прозы писателя подразумевается и одновременное притяжение к символизму и реализму, и новаторское использование различных литературных традиций. Поэтому отождествление мифа и бытия в «Огне вещей» воспринимается как своеобразная дань символизму, в тесных взаимосвязях с которым развивалось творчество Ремизова.

В соответствии с этим нам представляется возможным рассматривать эссе о Гоголе из «Огня вещей» как символистский «текст-миф», учитывая специфические особенности, которые он заключает в себе.¹¹

В литературе начала века не раз предпринимались попытки постичь тайну гоголевской жизни через ее художественное осмысление. Наиболее яркие примеры такой прозы или, точнее — художественной критики, известны, прежде всего, по именам Д. С. Мережковского, В. В. Розанова и А. Белого. Анализируя произведения этих писателей, посвященные Гоголю, мы можем выделить две тенденции. К первой из них относится поиск мифологических корней произведений Н. В. Гоголя. На этом основаны статьи В. В. Розанова «Магическая страница у Гоголя» и «Тут есть некая тайна». Другая тенденция выражается в толковании судьбы и личности Гоголя через миф. В этом случае миф может использоваться в узком значении слова, как он применен А. Белым в статье «Гоголь», где писатель (Гоголь) изображается героем древней мистерии и особенности его натуры объяснены через сопоставление с «высокопросвещенными мистами».¹² Вместе с тем, нередко функцию мифа приобретают сюжеты и образы различных художественных текстов. Так, у Д. С. Мережковского судьба Гоголя представлена через призму судьбы Кая из сказки Андерсена.¹³ Но самым распространенным приемом приложения мифа к личности Гоголя было употребление гоголевских же героев и сюжетных ситуаций его произведений в качестве символов, раскрывающих внутреннее содержание духовного мира писателя. Таким образом, само творчество Гоголя было приближено к значению мифа.

В «Огне вещей» отбор гоголевских образов и отдельных сюжетов в качестве мифологем на фоне работ, написанных значительно раньше, не кажется новшеством. Не трудно проследить, сопоставив тексты, не только аналогичность использо-

вания одних и тех же персонажей и сцен, но и сходство в оценке той роли, которую они сыграли в судьбе Гоголя.

Для примера сравним контексты книги о Гоголе Мережковского и главы «Огня вещей». Говоря о «демонической природе» Чичикова, Ремизов пересказывает небольшой отрывок из «Мертвых душ», слегка дополняя его: «Одной Коробочке была известна его демоническая природа: накануне ей приснился чорт — рога длинее бычачьих, в чем она и убедилась, заглянув поутру в гостиную» (где ночевал Павел Иванович — Е. О.). (С. 49).

Д. С. Мережковский, процитировав тот же отрывок из поэмы, раскрывает эту тему так: «Не только простодушная помещица, но и мы, может быть, не менее простодушные читатели, не подозреваем, до какой степени в эту минуту к нам близок чорт, не тот старый, сказочный, у которого „рога длинее бычачьих“, а новый, подлинный, несколько более страшный и таинственный, который ходит в мире „без маски, в своем собственном виде, во фраке“». ¹⁴

Достаточно легко угадывается параллелизм рассматриваемых работ и «Огня вещей» в оценке Гоголя как человека необыкновенного, появившегося с чьего-то высшего благословения: Ср. — В. В. Розанов в статье о Лермонтове пишет: «Оба писателя (Лермонтов и Гоголь — Е. О.) были внушаемы; были обладаемы. Были любимы небом, скажем смелое слово, но любимы лично, а не вообще и не в смысле, что имели особенную даровитость. Таким образом, я хочу сказать, что между ними и совершенно загробным, по-тусветным „X“ была некоторая связь, которой мы все или не имеем, или не чувствуем». ¹⁵ А. Белый в статье, напечатанной в юбилейном выпуске журнала «Весы», также отмечает исключительность Гоголя. По мнению Белого, Гоголю были доступны «минуты вечной гармонии» (Достоевский), когда испытываешь перерождение души тела, и она разрешается полным преображением (Серафим), подлинным безумием (Ницше), или подлинной смертью (Гоголь). ¹⁶ Эта догадка о «свойствах» Гоголя особенно близка ремизовскому восприятию смерти Гоголя как освобождение от наложенных на него чар: «... дорога (Гоголя — Е. О.) окончится тем последним земным мигом, когда в чичиковской немой „сердечной пустыне“ прозвучит расковыляющее слово и за синим рассеивающем туманом звездного гоголевского неба откроется белый, самый жаркий пронзительный свет с „преступной“ жалостью (из памяти «пекла») и райской незабываемой любовью («Старосветствие помещики»)» (С. 21).

Тем не менее, «Огонь вещей», являясь, в известной степени, продолжением традиции художественного осмысления темы Гоголя, во многом принципиально с ней расходится. Эти расхождения имеют место как в области функционального использования мифа, так и в оценках важнейших духовных событий жизни Гоголя, а также в решении той таинственной задачи, которой стала для Ремизова и его современников личность этого художника.

Если в работах Розанова, Мережковского, Белого процесс «мифологизации» жизни Гоголя проходит лишь на уровне сопоставления сюжетов из произведений Гоголя с событиями его жизни или посредством приложения гоголевских сочинений, употребляемых в роли мифа, к личности их автора, — то в «Огне вещей» мир Гоголя непосредственно преобразуется в миф. При этом, возникает особое художественное пространство, герой которого, сам Гоголь, — живет по законам своих произведений, в мире, созданном им самим.

Приметы мифа, понимаемого в исконном, понятийном значении, здесь вполне различимы: это и своеобразная поэтика, представляющая собой мозаичскую композицию из гоголевских эпитетов и тропов, и своя топка, и, конечно, — сюжет.

Сюжет «Огня вещей» имеет два плана: многоступенчатый сон Гоголя по принципу кошмарного сна Чарткова (1), в котором Гоголь-черт с неизменной мечтой воплотиться странствует по своим произведениям (2). Таким образом, в эссе наблюдается переключение от одного мифологического сюжета к другому, в зависимости от произведения, которое используется Ремизовым. Центральная мифологема этой системы — «Гоголь-черт», является прямой отсылкой к гоголевскому творчеству (предание о «красной свитке» из «Сорочинской ярмарки»). Более того, думается, что у Ремизова она приобретает значение мифа, корни которого уходят значительно глубже, а именно, в народную легенду о черте, выгнанном из пекла.¹⁷ И это характерно для А. М. Ремизова, яркой гранью таланта которого был особый дар производить своего рода «раскрытие мифа» от поздних записей, придавая ему первоначальное, первоуродное звучание.¹⁸ За мифом о черте-изгое стоит судьба Гоголя, его духовный мир. Таким образом, миф, созданный Ремизовым, принадлежит к такому роду мифа, который получает функцию «языка», «шифра-кода», проясняющего тайный смысл происходящего.¹⁹

Миф о Гоголе из «Огня вещей» населен героями гоголевских произведений, характеры которых переосмысляются или дополняются Ремизовым, но сам он в соответствии со своими представлениями, надо полагать, считал, что обнажает их исконную сущность. Об этом находим уникальные признания в письмах писателя: «У меня получаются не „Мертвые души“, а Воскрешение мертвых. Думаю, Гоголь бы одобрил»; «Гоголь сам не знал, что у него вышло и что такое Ноздрев»; «Кончил Манилова (...). Манилов вышел у меня небывалый — декабрист, князь Мышкин чистой мысли и чистого сердца. Я знаю, это вызовет негодование многих. Они привыкли „от печки“. И будет возмущение, „чего я искажаю Гоголя?“ Искажаю их кривое зеркало и приплюснутый череп (это называется моя заносчивость)».²⁰

Рассматривая «Огонь вещей» в соотношении с произведениями художественной критики о Гоголе Мережковского, Белого и Розанова, нельзя не обратить внимание на значительные расхождения толкований личности художника. При этом нужно

учесть, что наиболее близок ремизовскому пониманию Гоголя как явления в истории русской литературы — оказывается А. Белый в статье «Гоголь». Суждения В. В. Розанова в основном не совпадают со взглядами автора «Огня вещей». Книгу Д. С. Мережковского можно считать антиподом эссе Ремизова хотя бы только потому, что Мережковский, видя в образе Гоголя знамение нового вселенского христианства, придает феномену его личности скорее обществственный характер, в то время как Ремизов раскрывает перед нами тайну судьбы художника, его человеческую трагедию.

Расценивая опыт Гоголя как некий нравственный урок для будущих поколений писателей, обращаясь к документам, зафиксировавшим душевную смуту последних лет жизни, авторы, о которых идет речь, неоднозначно воспринимали и самую смерть художника. Так, Белый и Мережковский, затрагивая эту тему, прямо (Мережковский) и косвенно (Белый) цитируют слова из повести «Вий», относящиеся к Хоме Бруту. Ср.: «умирает Гоголь со страху»²¹ — «он умер от страха», так же, как Гоголь».²² Оба писателя подразумевают разное: Мережковский — раздвоение Гоголя между христианством и язычеством; Белый — гоголевское знание не только «о трясине бездонных болот», но и о «заоблачных высотах», и его неумение достичь этих высот.

Эти заключения пересекаются с розановским: «Он умер жертвою недостатка своей природы».²³

Для Ремизова смерть Гоголя — проявление его собственной воли («Гоголь покончил с собой») (С. 21), которое понимается как подвиг («Гоголь сам погасил огонь вещей. Подвиг саможжения ничтожен перед голодной казнью») (С. 28); это «жестокий, но единственный исход». И, наконец, в толковании Ремизова смерть Гоголя имеет значение нравственного очищения, когда умереть Гоголю — значит уснуть, чтобы проснуться в тех «заоблачных высотах», дорога к которым, по мнению А. Белого, ему была заказана.

Различен взгляд писателя и на духовные искания Гоголя. То, в чем Ремизов видит стремление Гоголя «очистить мутное сердце» (С. 30), для Мережковского было поводом для циничного сарказма: «его бесконечная возня со своими добродетельными правилами (...), безнадежное «устройство души своей» — что-то в роде «китайской головоломки» (по аналогии с игрой Кая, пытающегося из льдин сложить магическое слово — Е. О.). Сравнивая судьбу Гоголя с печальной судьбой андерсеновского Кая, Мережковский пишет, не веря в спасение Гоголя: «Бедный Гоголь, бедный Кай! Оба замерзнут так и не сложив из льдин слова „вечная любовь“».²⁴

Отношение же Ремизова проникнуто глубокой верой в духовное перерождение Гоголя, которое наступило еще до его трагического конца: «с сердцем угольночерным, черствым, пустынным, Гоголь, на последней дороге в канун своего отчаянного

подвига-жертвы — Гоголь, хочется думать, закрыл свои распаленные глаза счастливый, найдя расколдовывающее слово...» (С. 28).

Казалось бы, рассматриваемая критическая проза и «Огонь вещей» объединяются общим приемом раскрытия личности Гоголя через образ черта. Но в действительности обнаруживается, что прием — общий, а смыслы, в него вкладываемые, не всегда тождественны друг другу. Например, Д. С. Мережковский гоголевского черта мыслит как воплощение мирового зла, который через Чичикова становится воплощением самого писателя.²⁵ Ремизов тоже ввел в свой миф черта в качестве основного действующего лица. И у Ремизова черт — сам Гоголь, а также «венец его воплощений» — Чичиков. Однако идейное содержание этого образа в «Огне вещей» исполнено истинного трагизма. Ремизов, выстраивая свой миф о Гоголе, помнит, что за всей образной системой и символикой стоит судьба реального человека. Поэтому, вероятно, он подразумевал именно работу Мережковского «Гоголь и черт», когда будто бы в противоречие самому себе писал: «На театре черт у места, но на суде о человеческих судьбах пора прекратить забавляться „чортом“». (С. 37). Ремизовский Гоголь-черт вовсе не абстрактное воплощение темных сил, он сродни тому, что пугал своей красной свиткой «добрых людей» на ярмарке в Сорочинцах. Особенности судьбы этого изгоя, низвергнутого из пекла за какое-то доброе дело, у Ремизова перестраивают понимание личности Гоголя в целом. От этой мысли далек А. Белый, который считал, что Гоголь мог бы быть «посвященным», если бы не ограниченность его знания: Гоголь «знал мистерии восторга, и мистерии ужаса — тоже знал Гоголь. Но мистерии любви не знал. Мистерию эту знали посвященные...».²⁶

По Ремизову же, извечная память Гоголя о любви, о «добром деле» является залогом перерождения, достижения духовной цели — предстать перед Богом в незапятнанных одеждах. Поэтому Ремизов пишет о том «пронзительном свете», который откроется перед Гоголем в его предсмертный час. Это свет любви и жалости к людям, живущие в его памяти.²⁷ Даже Чичикову в «Огне вещей» не дает покоя его неизгладимая память о «преступлении», совершенном еще в пра-жизни, в «пекле»: «Явление панночки-русалки, как напоминание о преступлении, встретится дважды: в первый раз, когда (...) на дороге от Ноздрева к Собакевичу, его бричка столкнется с коляской и он при виде золотистой незнакомки в восторге одурет до потери слов, и во второй раз, когда (...) на балу у губернатора (...), он узнает в губернаторской дочке свою золотистую незнакомку и, забыв все на свете, растерянный, будет с усилием припоминать о том, что он забыл?». (С. 50).

Самые антиномичные высказывания о значении Гоголя для русской литературы и о феномене этой личности в целом читаем в работах В. В. Розанова. Как о явлении философ отзывается

о Гоголе следующим образом: «Никогда более страшного человека (...) подобия человеческого (...) не приходило на нашу землю». ²⁸ Оценивая писательский дар Гоголя, Розанов делает заключение: «Гениальный художник всю свою жизнь изображал человека и не мог изобразить его души». ²⁹

Что же касается роли писателя в литературном процессе России, то суждение критика таково: «Известен взгляд, по которому вся наша новейшая литература исходит из Гоголя; было бы правильное сказать, что она вся в своем целом явилась отрицанием Гоголя, борьбою против него». ³⁰ Хотя Розанов соглашается с тем, что приемы художественного творчества Гоголя были крепко усвоены последующей литературой, он абсолютно отказывает ему в умении раскрыть душу героя, которая есть «двигатель всех видимых фактов», а именно этот талант широко представлен в произведениях Тургенева, Толстого и Достоевского.

В тексте «Огня вещей» нетрудно обнаружить внутреннюю полемику с В. В. Розановым. Достаточно вспомнить мнение писателя о поэме «Мертвые души»: «у всех этих героев («Мертвых душ» — Е. О.) мысли не продолжают, впечатления не связываются, но все они стоят неподвижно, с чертами, докуда довел их автор, и не растут далее внутри себя, ни в душе читателя, на которую ложится впечатление (...). Это — мертвая ткань, которая какою была введена в душу читателя, таковою в ней и останется навсегда». ³¹ И соотнести эту инвективу с методом домысливания образов, которым активно пользуется Ремизов в своей интерпретации жизни и творчества Гоголя. Именно на материале текста поэмы Ремизов проявляет максимум своих возможностей, пытаясь опровергнуть столь категорические суждения Розанова. Гоголевские «мертвые души» вдруг оживают, обогащенные скрытыми достоинствами своих натур. Подобное преображение произошло не только с Маниловым, но и с Ноздревым, который в интерполяциях Ремизова вырастает в человека с «необузданной страстью к совершенству», а такой законченный, в стереотипном представлении, мошенник, как Чичиков, вдруг оказывается способным не только на самооценку, что ему свойственно по тексту поэмы, но и на аргументированную самозащиту. Вот его исповедь: «Гоголь называет меня подлецом (...) Гоголь говорит, что в каждом из нас есть часть Чичикова. Стало быть такова природа человека, все подлецы, или, как скажет коридорный, мошенники (...) Мне нечего гоняться за правдой, как за мясистой белугой: правда одна — без мошенничества ничего не достигнешь. И нечего таращиться, и что вы на меня так взъелись? Да, мошенничество — путь жизни, а евангелие — костюм, или нажравшись баранины, пойдешь на собрание общества покровительства животным». (С. 52).

Различные апелляции к Розанову, рассредоточенные по тексту эссе, дают основание полагать, что «Огонь вещей» отчасти

сориентирован на розановские сентенции о Гоголе. Так, утверждая, что образ Гоголя, сочетающий в себе демоническое и трагическое, по своему духовному складу очень близок образу Лермонтова, Ремизов дает указание на первоисточник этой мысли в короткой фразе: «Замечено В. В. Розановым: „смехач“, „вывороченный чорт“ Гоголь и „демон Лермонтов“». (С. 29). Или в главе, посвященной «сновиденной» природе творчества Гоголя, писатель, обращая внимание на родство поэтического настроения двух художников, констатирует: «ночь (описанная в повести «Вий» — Е. О.) по трепету (...) близка Лермонтову: „Выхожу один я на дорогу“. Это почувствовал В. В. Розанов, сравнивая „смехача“ Гоголя с Лермонтовым — демоном». (С. 95). Тем самым, безусловно, подразумевая статью Розанова «Лермонтов», где имеются следующие сопоставления: «Оба они (Гоголь и Лермонтов — Е. О.) имеют параллелизм в себе жизни здешней и какой-то подземной. Но родной их мир — именно нездешний» или «Входя в мир тем нашего поэта (Лермонтова — Е. О.), нельзя не остановиться на том, что зовут его „демонизмом“. Но и здесь поможет нам параллелизм Гоголя». ³² В другом месте «Огня вещей» Ремизов цитирует отрывок из исповеди Чичикова и за откровением: «Вот, скажут, отец, скотина, не оставил никакого состояния» — помещает лапидарное замечание: «Эту „скотину“ Розанов не мог простить Гоголю» (С. 65). Что, конечно, отсылает к известному розановскому пассажу из этюдов о Гоголе: «Какой ужас, какое отчаяние, и неужели это правда? Разве мы не видели на деревенских погостах старух, которые сидят и плачут над могилами своих стариков, хотя они оставили их в рубище, в котором и сами жили? Разве, видя отходящим своего отца, где-нибудь дети подходят к матери и спрашивают: „останемся-ли мы с состоянием“?». ³³ Использование именно последнего фрагмента можно считать своего рода «сигналом» заложенной во всем тексте контroversы взглядам Розанова. Тем более, что после, казалось бы, незначительного и вполне индифферентного упоминания об отношении критика к Гоголю следует сочувственное объяснение душевной черствости главного героя «Мертвых душ», которое подкрепляется *pointe*'ом Ремизова: «Но и то подумать, отец ли это Чичикову, вымещавший на его ухах свои сомнения в верности жены и свою обиду?». (С. 65).

И наконец, в последней главе эссе появляется очевидное доказательство того, что интерпретация Ремизова отчасти носит полемический характер и подспудно обращена именно к критике В. В. Розанова. В этой главе, названной «Природа Гоголя», Ремизов неожиданно вспоминает отзыв Розанова о Гоголе как о «подобии человеческого», называя это определение самым «проникновенным». Характерно, что писатель, принимая лишь внешнюю форму этого определения, заменяет его отрицательный семантический заряд на положительный. И тогда розановское содержание перед непроглядной бездной природы Гоголя обращается в жалость, сочувствие, проникновение, которое, впрочем,

не противопоставлялось оценке Розанова. Напротив, Ремизов, хранящий память о дружеском контакте с В. В. Розановым в пору петербургского периода его жизни, чрезвычайно ценил особенную интуицию писателя в постижении сути явлений, которое бывало особенно точным, когда возникало на уровне подсознательного. Недаром он так сокрушается о том, что Розанов пренебрег своим незлобивым, случайно сорвавшимся по отношению к Гоголю: «кикимора!». (С. 115).³⁴ И, как в случае с интерпретацией образа Гоголя-черта Ремизов снова прибегает к своему постоянному для «Огня вещей» приему, кардинально изменяя содержание уже известного, общепризнанного образа. Так, в «Огне вещей» «подобию человеческого» противопоставлен образ Гоголя-кикиморы, но не темной, демонической, как у Розанова, а добродушной и несчастной, в которой все «от лесавки и человека». (С. 116).

При этом взгляды А. М. Ремизова и В. В. Розанова расходятся не только в частностях, но и в целом значение творчества Гоголя расценивается ими с прямо противоположных позиций. Например, книга «Огонь вещей» открывается тезисом: «С Пушкина все началось, а пошло от Гоголя». Вариации этой мысли постоянно встречаются в тексте эссе: «Еще при жизни образовался „оркестр“ Гоголя: имитаторы, кописты, ученики (...). Из „оркестра“ Гоголя вышли: Достоевский, Аксаков, Салтыков-Щедрин, Тургенев, Писемский, Мельников-Печерский» (С. 21); «Толстой следует Гоголю (...). Растолковать таинства, как это сделал Гоголь, и разложить таинства, как это сделал Толстой, одно и то же». (С. 34). «А между тем вся русская литература вышла из Гоголя и без „Мертвых душ“ не было бы и „Войны и мира“». (С. 66).

«Огонь вещей», пожалуй, последний миф о Гоголе XX века, написанный в духе критической прозы символистов и близкого к ним литературного окружения. Быть может, поэтому Ремизов будто намеренно «сталкивал» или, наоборот, приводил к общему знаменателю идеи своего эссе с работами предшественников, создавая тем самым впечатление «игры» с традицией.³⁵ Несомненно, интерес писателя к Гоголю во многом объясняется его прочной взаимосвязью с литературным процессом начала XX века, в особенности с символистским кругом, создавшим, можно сказать, целое направление в области Gogolian'ы. Но вместе с тем, нельзя оставить без внимания тот факт, что находясь в русле данной традиции, Ремизов пошел против ее течения и предложил свою концепцию жизни и образа Гоголя. Должно быть, сказывалось извечное ремизовское: «я хотел по-„своему“...».

«Огонь вещей» А. М. Ремизова представляется уникальным произведением даже не в силу своеобразия языка, стиля или жанра, но прежде всего потому, что эта книга утверждает вневременное значение духовного опыта Н. В. Гоголя. Опубли-

ковав свою книгу уже во второй половине нашего столетия, А. М. Ремизов снова затронул, быть может, основной нерв русской жизни, о котором писал в свое время Н. А. Бердяев и важность которого неизбежна и поныне: «Вопрос о смысле жизни, мучительные религиозные, философские, нравственные искания все более проникают в творчество наших художников. В этом отношении ярким примером является трагическая судьба Гоголя (...). Русская тоска по смыслу жизни — вот основной мотив нашей литературы и вот, „что составляет сущность русской интеллигентной души“...».³⁶

Примечания

¹ О значении личности и творчества Гоголя для символизма см.: *Мережковский Д. С.* О причинах упадка и новых течениях современной русской литературы. — СПб., 1893. С. 47; *Иванов Вяч.* Борозды и межи. — М. Мусaget, 1916. С. 134; а также переориентация взглядов на творчество Гоголя высказана в работах: *Анненский И. Ф.* Художественный идеализм Гоголя // Книги отражений. — М.: Наука, 1979. С. 215—216; *Брюсов В.* Ключи тайн // Собр. соч.: В 7 т. М., 1973—1975. Т. 6. С. 80; Его же. Испепеленный // Там же. С. 136.

² *Розанов В. М.* Ю. Лермонтов (К 60-летию кончины) // Новое время. 1901. 15 июня. С. 2.

³ См. конкретные высказывания: *Котляревский Н. А.* Н. В. Гоголь (1829—1842). Очерк из истории русской повести и драмы. СПб., 1903. С. 171. *Айхенвальд Ю. И.* Гоголь // *Айхенвальд Ю. И.* Силуэты русских писателей. М., 1906. Вып. 1. С. 50, а также работы В. Розанова, содержащие иногда противоречащие друг другу суждения: *Розанов В.* Гоголь // Мир искусства. 1902. № 12. С. 431; Его же. Опавшие листья. Короб первый. СПб., 1913. С. 336.

⁴ Среди символистов, для которых Гоголь был примером высокого духовного горения несомненно выделяется А. Блок. См. об этом *Максимов Д.* Поэзия и проза Ал. Блока. Л.: Сов. писатель, 1981. С. 459, 461.

⁵ *Зайцев Б. К.* Жизнь с Гоголем // Современные записки. Париж, 1935. № 59. С. 283.

⁶ Главы «Огня вещей», посвященные Гоголю, создавались на протяжении двадцати с лишним лет и начали появляться на страницах эмигрантских повременных изданий с конца 20-х годов. Идея же объединения их в составе одной книги окончательно сформировалась к началу 1952 года, что явствует из письма Ремизова к Н. В. Кодрянской от 20 февраля 1952 года: «Посылаю вам „Воскрешение мертвых“ (Чичиков) и „Сквозь пепельно-синий дурман“ (Манилов). С Поздreyвым они составят „тройку“. Для будущей моей книги о Гоголе я напишу о гоголевский тройках. И этим заканчиваю мое о Гоголе» (*Кодрянская Н.* Алексей Ремизов. Париж, 1954. С. 246).

⁷ *Кодрянская Н.* Указ. соч. С. 134.

⁸ См., например: *Ремизов А.* Ночь у Вия // Русская мысль. 1909. № 4. С. 46—50; *Ремизов А.* Четвертый круг // *Ремизов А.* Шумы города. Ревель, 1921. С. 30—31; *Ремизов А.* Индустриальная подкова // Числа. Париж, 1931. № 5. С. 125—126.

⁹ *Иванов Вяч.* По звездам: статьи и афоризмы. СПб., 1909. С. 278.

¹⁰ См. *Келдыш В. А.* Реализм начала XX века. М., 1975. С. 211.

¹¹ Вопрос о мифотворчестве литературы начала века подробно разработан в статье З. Г. Минц «О некоторых „неомифологических“ текстах в творчестве русских символистов» // Учен. зап. Тарт. ун-та. Т., 1979. Вып. 459. С. 76—120. Основные положения этой статьи могут быть распространены и на эссе о Гоголе из «Огня вещей». Тяготение Ремизова к созданию символистского текста-мифа прослеживается и в ранних его сочинениях. Интересна в этом смысле сказка «Ночь у Вия», в которой гоголевский Вий использован в качестве устойчивой мифологемы.

О тенденции Ремизова к созданию мифологического текста см. также: Данилевский А. А. Функция автобиографизма в III-ей редакции романа А. М. Ремизова «Пруд» // Учен. зап. Тарт. ун-та. Т., 1988. Вып. 822. С. 140.

¹² См.: Белый А. Гоголь // Весы. 1909. № 4. С. 72—87.

¹³ См.: Мережковский Д. С. Гоголь. Творчество, жизнь и религия // Полн. собр. соч. М., 1914. Т. XV. С. 228. Или, к примеру, в статье Эллиса (Кобылинский Л. Л.) Человек, который смеется (// Весы, 1909. № 4. С. 84—95), где Гоголь представлен через образ Гуинплена.

¹⁴ Мережковский Д. С. Указ. соч. С. 218.

¹⁵ Розанов В. Гоголь // Мир искусства. 1902. № 12. С. 335.

¹⁶ Белый А. Указ. соч. С. 76.

¹⁷ См. об этом, напр.: Драгоманов М. Малороссийские народные предания и рассказы. Киев, 1876.

¹⁸ Сходную мысль высказывает А. М. Грачева, исследуя ремизовские реконструкции древнерусских текстов. См.: Грачева А. М. Повесть о Бове Королевиче в обработке А. М. Ремизова // ТОДРЛ. Л., 1981. Т. XXXVI. С. 390.

¹⁹ Минц З. Г. Указ. соч. С. 93.

²⁰ Кодрянская Н. Указ. соч. С. 241, 236, 245.

²¹ Белый А. Указ. ст. С. 72.

²² Мережковский Д. С. Указ. соч. С. 304.

²³ Розанов В. Легенда о Великом Инквизиторе. Два этюда о Гоголе. СПб., 1906. С. 21.

²⁴ Мережковский Д. С. Указ. соч. С. 228.

²⁵ Об этом у Мережковского в указ. соч.: «Чичиков и Хлестаков — это две ипостаси вечного и всемирного зла — черта» (С. 228); «Чичиковского было в Гоголе, может быть, еще больше, чем хлестаковского» (С. 229).

²⁶ Белый А. Указ. ст. С. 77.

²⁷ См. цитату на с. 133 наст. ст.

²⁸ Розанов В. Опавшие листья. Короб первый. С. 139.

²⁹ Его же. Легенда о Великом Инквизиторе. Два этюда о Гоголе. С. 21.

³⁰ Там же. С. 15.

³¹ Там же. С. 265.

³² Розанов В. Лермонтов (К 60-летию кончины). С. 2.

³³ Его же. Легенда о Великом Инквизиторе. Два этюда о Гоголе. С. 18.

³⁴ В этой подстрочной полемике с В. В. Розановым Ремизов верен своей манере, выработавшейся у него в годы эмиграции, — освежать свои воспоминания подробностями былого общения с теми людьми, с кем его связывали дружеские, сердечные отношения в России, разъединяло же не просто географическое расстояние, а смерть этих близких. (См., напр., воспоминания с Блоке: «К звездам» (1921 г.), «По серебряным нитям». Лития» (1946 г.). С этой точки зрения «Огонь вещей» можно считать в некотором смысле продолжением его книги: «Кукха. Розановы письма» (1923 г.) и мемуаров «Воистину» «Памяти В. В. Розанова» (1926 г.).

³⁵ См. об этой тенденции символистских текстов указ. ст. З. Г. Минц (С. 94).

³⁶ Бердяев Н. А. О новом русском идеализме // Бердяев Н. А. Опыты философские, социальные и литературные (1900—1906). СПб., 1907. С. 158.